

А. Д. Демидова

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия. *lardem.nsk@gmail.com*

РАННЕСТАРООБРЯДЧЕСКАЯ «ПОВЕСТЬ О МУЧЕНИИ НЕКОИХ СТАРЕЦ ПЕТРА И ЕВДОКИМА» И СОЧИНЕНИЯ ИНОКА АВРААМИЯ

Статья посвящена текстологическим проблемам раннестарообрядческой «Повести о мучении неких старец Петра и Евдокима». Установлено, что Повесть имеет параллели не только с сочинениями дьякона Федора, на основании чего он считался ее возможным автором, но и с сочинениями инока Авраамия (+ 1672 г.). Анализ этих параллелей, а также выявление общего для повести и произведений Авраамия источника позволили пересмотреть вопрос об авторстве в пользу инока.

Ключевые слова: раскол Русской церкви XVII в., раннестарообрядческая повесть, инок Авраамий, дьякон Федор

Статья выполнена по теме госзадания

«Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

Памятник раннего старообрядчества – «Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима» – одно из довольно популярных сочинений подобного жанра в старообрядческой книжности. В ней описывается вымышленное прение о вере старцев с царем Алексеем Михайловичем, после которого разгневанный царь приказал бросить защитников старой веры в кипящий котел, но они чудесным образом остались невредимы. Повесть создана не ранее 1669 г. (вымышленное событие, которое в ней описывается, произошло 17 февраля 1717 (1669) г.), а древнейший список (РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел). Оп. 5. № 434/893) датируется 70-ми гг. XVII в. [Кузнецова, с. 206]. По более позднему списку она была напечатана Н. И. Субботиным в числе сочинений дьякона Федора Иванова [Материалы для истории раскола, т. 6, с. 302–309, коммент.: с. XXVII–XXVIII], поскольку и рукописная старообрядческая традиция (помещавшая имя Федора в заголовках сочинения, а само сочинение – в циклы, включающие другие его произведения), и руководствовавшиеся ее указаниями первые исследователи старообрядческой литературы (начиная с А. Бровковича [Бровкович, ч. 1, с. 29]) приписывали ее перу дьякона. Однако Н. И. Субботин первый и подверг эту атрибуцию сомнению. В 1987 г. В. С. Кузнецова еще раз опубликовала памятник по старейшему списку, снабдив его историко-литературным комментарием, однако оставила вопрос об авторстве открытым, кратко изложив позиции своих немногочисленных предшественников и отметив, что «архаичная» редакция текста (редакция А в ее классификации) встречается в сборниках без окружения в виде других сочинений Федора [Кузнецова, с. 207–208]. Позже Н. Ю. Бубнов выразил уверенность, что автором Повести является не дьякон, а московский инок Авраамий (бывший юродивый Афанасий) – духовный сын протопопа Аввакума, а также друг и соавтор Федора. Исследователь отметил, что по жанру Повесть близка сочинению «Вопрос и ответ» Авраамия (и там, и там описан допрос, в ходе которого допрашиваемая сторона превращает свои ответы в агитацию в защиту старой веры) и содержит идеи, близкие ряду его сочинений. Кроме того, Повесть является частью четырех сборников-циклов с условными исследовательскими названиями: «Поучение верным людям», «Прение», «Слово о праведниках», «Прение о вере». Их складывание Н. Ю. Бубнов относит к XVII в., а составителем считает Авраамия [Бубнов, с. 148–174]. Эти сборники состоят из сочинений, атрибутируемых трем авторам: дьякону Федору, иноку Авраамию и протопопу Аввакуму. Композиционное устройство

циклов и их идейное содержание, по мнению Н. Ю. Бубнова, также указывает на то, что инок мог быть автором Повести.

Хотя сама по себе композиция циклов, проанализированная Н. Ю. Бубновым, без сомнений, выглядит очень логично, подобное наблюдение можно сделать о многих средневековых сборниках и старообрядческой рукописной книге как продолжательнице древнерусской традиции. Конечно, Авраамий известен как составитель «Христианоопасного щита веры против еретического ополчения» (1667–1669 гг.) – сборника с очень продуманной структурой, но этот его труд имеет ряд ярких особенностей (последовательная редакция текстов, комментарии, авторские вставки, прямые ссылки, обозначающие связи между главами, и скрытые аллюзии), позволяющих говорить о нем как об авторской книге. Другие же сборники, составителем которых Н. Ю. Бубнов считает Авраамия, таких особенностей не имеют. В этой ситуации для определения авторства Повести состав и композиция старообрядческих рукописных книг могут служить дополнительными, но не основными аргументами.

Кроме того, проблема атрибуции упирается в довольно непростую ситуацию с разграничением творческого наследия двух ранних старообрядческих авторов – инока Авраамия и дьякона Федора. Это наглядно показывает история изучения их сочинений: так, при публикации ряд глав «Христианоопасного щита веры...», а также некоторые другие старообрядческие произведения были атрибутированы Н. И. Субботиным Авраамию, однако впоследствии вопрос об авторстве был пересмотрен в пользу дьякона Федора [Левитский, с. 726–729; Смирнов, с. LXIII; Бубнов, с. 64–65]. Собственные сочинения Авраамия содержат многочисленные свидетельства того, как инок неоднократно обращался к трудам Федора, активно использовал их в полемике, иногда указывая авторство, а иногда – нет, часто копировал аргументацию Федора дословно и не менее часто прибегал к изложению своими словами. Однако не всегда это редакторское вмешательство можно отделить от оригинального текста. В то же время нам ничего не известно о том, было ли такое «творческое заимствование» обоюдным, работал ли, в свою очередь, с сочинениями Авраамия дьякон, хотя, возможно, «Христианоопасный щит веры...» и был знаком пустозерским узникам [Демкова, 1965; Демкова, 1974, с. 127, примеч. 26; с. 131].

В силу того что Авраамий активно пользовался сочинениями Федора в своей полемической деятельности, еще один аргумент – об общем идейном содержании Повести – представляется для решения вопроса об атрибуции текста хоть и важным, но второстепенным: прение старцев Петра и Евдокима с царем строится вокруг тем и сюжетов, которые встречаются и в сочинениях Федора, и в сочинениях Авраамия: это догматический смысл крестного знамения с рассуждениями о природе Христа, представление церковных изменений как возрождение древних триадологических ересей, пророчество о скором пришествии антихриста. Стоит ли говорить о том, что эти темы встречаются и у других старообрядческих авторов – единомышленников Авраамия и Федора?

Кроме анализа литературного окружения и идейного содержания повести Н. Ю. Бубнов вскользь упомянул и о текстологических данных, указывающих на авторство, но не стал останавливаться на этом вопросе подробно. Между тем данные текста заслуживают большего внимания, нежели ранее было им уделено, обращение к ним при атрибутировании сочинения является первой необходимостью.

Этот вопрос тем более не следует игнорировать, поскольку некогда одна-единственная текстуальная параллель Повести со «Сказанием об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора стала основанием для утверждения об авторстве дьякона [Бровкович, ч. 1, с. 29]:

«Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима»¹

«Яко ж бо честно есть тайну цареву хранити, колми паче есть честно и славно слово Божие проповедати».

«Сказание об Аввакуме Лазаре и Епифании»
дьякона Федора²

«Тайну цареву добро есть таити, а дела Божия проповедати преславно есть, глаголет Святое писание».

Эта фраза представляет собой библейскую цитату (Тов 12: 7), которую А. Бровкович, вероятно, посчитал весьма характерной для Федора. Ее же можно найти и в старообрядческих добавлениях ко 2-й редакции «Прений о вере с греками» Арсения Суханова, созданных не позднее 1665 г.³ Кроме того, добавления ко 2-й, а также 3-й редакциям «Прений о вере» содержат еще одну параллель с Повестью, отмеченную В. С. Кузнецовой:

«Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима»⁴

«Яко ж древле грецы от налога турскаго царя приступиша к римскому папе Афесу, еретику сущу; и взял от них все книги, а законья огнем соже и дал им три заповеди: первое – в крещении обливаться, второе – крестов на себе не носити, третью – в три персты крестится».

Добавления ко 2-й редакции «Прений с греками о вере» Арсения Суханова⁵

«Еже бо в крещении обливаться греком, римскаго папы Афеса заповедь тем: писано в латинских крониках: стесняеми бо греки от турскаго царя, прибегоша к папе и приемше от него три заповеди: в крещении обливаться и тремя персты крестится и крестов на рамах не носить».

По мнению Н. Ю. Бубнова, эти добавления к сочинению Арсения Суханова были сделаны дьяконом Федором [Бубнов, с. 114–115]. Значит, если рассматривать текстуальные совпадения добавлений с Повестью как аргумент в пользу авторства, это прямо противоречит утверждению исследователя о принадлежности Повести Авраамия.

Однако в сочинении о Петре и Евдокиме нами выявлены текстуальные параллели с сочинениями не только Федора, но и инока Авраамия. Прочитированный рассказ о папе Афесе также имеется в его Челобитной (1670 г.), причем приведен в разных ее частях дважды: «Понеже, государь, некогда убо быша стесняеми от турскаго царя о вере, хотяще бо к своей их вере привести, греки же, нужду видевшя, прибегоша к римскому папе Афесу, еретику сущу. Папа же дав им три заповеди: первое в крещении обливаться, второе – тремя персты крестится, третие же на рамах крестов не носити. Они же сицева от папы приимше, нужды ради турскаго царя»⁶.

Хотя эти два почти полностью идентичных фрагмента слишком малы для того, чтобы стать основанием для каких-либо выводов, отметим, что Челобитная Авраамия, имея явные отличия как от Повести, так и от добавлений к «Прениям о вере», тяготеет скорее к последним: это и использование характерного слова («рамах»), и порядок перечисления трех «заповедей» папы Афеса.

Отличительная особенность Челобитной Авраамия состоит в том, что она составлена по большей части из фрагментов «Христианоопасного щита веры...», к которым были добавлены отрывки из сочинений ранних старообрядцев, некоторых других рукописных и печатных книг. В Челобитной упоминание о «заповедях» Афеса в обоих случаях находится между заимство-

¹ [Кузнецова, с. 209]. Здесь и далее Повесть цитируется по публикации В. С. Кузнецовой, сделанной ею по старейшему списку.

² [Материалы для истории раскола, т. 6, с. 45].

³ Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2. Вып. 1. С. 131.

⁴ [Кузнецова, с. 209–210].

⁵ Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. Вып. 1. С. 150.

⁶ Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археологической комиссии. СПб., 1877. Т. 6. Отд. 2. С. 99. На с. 57 фрагмент помещен в том же виде, с единственным изменением: «третие – крестов на персах не носити».

ванными фрагментами, причем механически их разрезает. Первый раз рассказ помещен внутри отрывка из 12-й главы «Христианопасного щита веры...» (ее текст принадлежит дьякону Федору), второй раз – между фрагментами 5-й Соловецкой челобитной (45-я глава сборника). Такой способ компилирования вряд ли случаен: полное повторение одного и того же текста говорит о том, что Авраамий сделал вставки из какого-то готового текста (а не создавал его, к примеру, по ходу составления Челобитной).

Кроме рассказа об Афесе в Челобитной Авраамия имеется также более крупный фрагмент, сходный с Повестью:

«Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима»⁷

«Аже простая персты – мудрования злаго прелесника Фармоса еретика, и трелукаваго Афеса, и злокозненаго и Н[икона], и прочих еретик. И ничто же познавается в трех простых перстах, токмо змей, зверь и лживый пророк, а посреде их сам преисподний проклятый сатана, якоже древле скрыся во змию и Адама изгна из рая. Тако и ныне во своя ему скрыся треглавнаго змия, в три простыя перста, сего ради да примут его верныи вместо Бога истинаго, его креста чающе. Нам же, верным христианом, познавшим своего Творца и Бога и Господа истинаго и животворящаго, не буди того прияти льстиваго трелукаваго беса, скрывшагося в треглавнаго змия, в три простыя перста. Аще ли кто сего примет в небрежении вместо своего Господа, истинаго его креста, и вознесет его на свою главу, яко Бога, а будет на нем печать треисподняго сатаны, с ним же да будут в злосрадном, вечном и триисподнем, темном, лютом тартаре в бесконечныя веки. Аминь».

Челобитная инока Авраамия⁸

«А кто трема персты крестится, щепотью, таковый богострастник есть, и чюждь веры во Христа Исуса, и враг креста Христова, и отметатель воплощения Христова. То мудрование, в трех перстах сокровенное, арменское и Фармосовы папы еретика, и трелукаваго Афеса, и злокозненнаго Никона, и прочих еретик. И якоже древле скрыся в змию, и Адама изгна из рая, тако и ныне во своя ему скрыся, в три просты персты. Нам же, христианом, познавшим своего Творца, Бога истинаго и животворящаго, не буди того прияти льстиваго и лукаваго беса, скрывшагося в три простыя персты. Аще ли кто сего примет, вместо своего Господа, и истинаго его креста чая, и вознесет его на свою главу, яко Бога, и будет на нем печать зверина, число его 666».

Монтируя этот отрывок в Челобитную, Авраамий воспользовался уже знакомым приемом компилирования: яростная проповедь против троеперстия опять-таки механически разрезает отрывок, заимствованный из 14-й главы «Христианопасного щита веры...» (авторства дьякона Федора) и потому в очередной раз производит впечатление вставки.

⁷ [Кузнецова, с. 211].

⁸ Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия. С. 76–77.

Помимо обширных фрагментов, в Челобитной есть две мелкие параллели с Повестью, представляющие собой библейские цитаты. Первая (1 Ин 4: 3) в Челобитной также является вставкой, которой Авраамий разрезал фрагмент, позаимствованный из 14-й главы «Христианоопасного щита веры...»:

«Повесть о мучении неких старец Петра
и Евдокима»⁹

«Писание глаголет: “Аще кто не исповедает
Сына Божия, в плоть пришедша, той
антихрист есть”».

Челобитная инока Авраамия¹⁰

«А писание глаголет: аще кто не исповедует
Исуса Христа в плоть пришедша, антихрист
есть».

Отметим, что цитата встречается также и в старообрядческих дополнениях ко 2-й редакции «Прений с греками о вере» Арсения Суханова, но в несколько более развернутом виде: «Всяк, иже не исповедует Исуса Христа в плоть, – от Бога несть, и се антихристов; а иже исповедует Исуса Христа в плоть пришедша, – от Бога есть»¹¹.

Вторая цитата (Рим 1: 22) использована в Челобитной дважды. В Повести выражение очень кратко, тем не менее нет повода не видеть в нем отсылку к соответствующему месту из Апостола:

«Повесть о мучении неких старец Петра
и Евдокима»¹²

«... но по воли своей мнящися мудри быти,
гордостию величающися...».

Челобитная инока Авраамия¹³

«А нынешним темным властем века сего,
Бог им воздаст по делом их. Мудри мнящися
быти, воистинну обьюродеша» (С. 33).
«Сего ради открывается гнев Божий
с небесе на всяко нечестие и неправду
человек, содержащих истинну в неправде,
понеже разумеша Бога, и не яко Бога
прославиша и вы благодариша, и осуетишася
помышлении своими, омрачися неразумное
их сердце; мнящися мудри быти,
обьюродеша; и измениша славу Божию
в подобие образа тленну человеку...» (С.
60).

В составе Челобитной первый фрагмент, содержащий цитату, заимствован из 25-й главы «Христианоопасного щита веры...», авторство которой, по всей видимости, принадлежит Авраамию. Источник второго фрагмента, где цитата представлена более полно, неизвестен; не исключено, что это также авторское высказывание Авраамия.

Кроме того, еще одна библейская цитата (Евр 13: 14), использованная в Повести, имеет параллель с сочинением Авраамия «Вопрос и ответ» – тем самым, в котором инок сообщает о чудесном спасении Петра и Евдокима как доказательстве истинности своих убеждений, однако употреблена она Авраамием в отношении самого себя:

⁹ [Кузнецова, с. 210].

¹⁰ Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия. С. 49.

¹¹ Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. Вып. 1. С. 140.

¹² [Кузнецова, с. 209].

¹³ Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия (страницы изд. указаны в таблице).

«Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима»¹⁴

«В[опроси] ц[арь]: “Коего града жители и что имена ваша?” О[твещаша] м[ужи]: “Мы, государь, люди Господа истинаго и животворящаго, а града настоящего не имеем, но грядущаго взыскуем, страницы есми на земли”».

«Вопрос и ответ» инока Авраамия¹⁵

«Вопрос думнаго дьяка Илариона: “Коего града рождение твое и кто суть сродники твои по плоти?” Ответ Авраамиев: “Града настоящего не имею, но грядущаго взыскую...”».

Таким образом, Повесть имеет текстуальные параллели не только с сочинениями Федора, но и в не меньшей степени с Челобитной Авраамия. В последней большинство фрагментов Повести механически вставлено в отрывки из «Христианоопасного щита веры...», часть из которых принадлежит перу дьякона Федора. Очевидно, однако, что текстуальные совпадения без каких-либо дополнительных аргументов не могут служить основанием для установления авторства. Единственное, что можно утверждать вполне определенно: тесная связь Повести и с сочинениями Федора, и с сочинениями Авраамия несомненна, поэтому вряд ли автором Повести мог быть кто-то третий.

Известно, что к моменту создания Челобитной (она появилась не раньше сентября 1670 г. [Материалы для истории раскола, т. 7, с. XXVI– XXVII]) Авраамий достоверно был знаком с Повестью – о старцах Петре и Евдокиме инок упоминает в своем сочинении «Вопрос и ответ», написанном параллельно с ней [Материалы для истории раскола. Т. 7. С. 409]. Значит, он мог воспользоваться ей и для Челобитной, и для «Вопроса и ответа». Однако, во-первых, это обстоятельство также не является аргументом в пользу авторства того либо другого полемиста: Авраамий мог вставить в Челобитную отрывки как из произведения дьякона Федора, так и из своего собственного. Во-вторых, очевидно, что Челобитная не копирует Повесть дословно, значит, либо Авраамий воспользовался ее переработанными фрагментами, либо вставки могут иметь общую с Повестью основу – как в виде оформленного текста, так и в виде определенного круга сюжетов и цитат, который раннестарообрядческие идеологи привлекали для аргументации собственной позиции. К примеру, на цитату из Рим 1: 22 Авраамий обратил внимание независимо от Повести, при составлении сборника «Христианоопасный щит веры...» (то есть ранее ее появления), откуда – а не из Повести (в которой к тому же она чрезвычайно кратка) – она и попала в Челобитную как часть его 25-й главы.

Рассмотрим еще один фрагмент Повести, в котором наиболее емко выражена мысль о том, что реформы патриарха Никона свидетельствуют о приходе в мир антихриста. В этом отрывке единственный раз в раннестарообрядческой книжности упомянут «престол четвертого Рима»: «А сей же зломудренный Н[икон] ни от налоги какой клятву даде разрушити писания святых отец, но во еже быти ему приять власть святительскую; его же Бог и попусти, и Н[икон] оттоле изгнан и еще паки чтится прелестию и мечтанием постигнути престол четвертаго Рима, язвя смерти его изцеле. И сего ради не три заповеди даде оному жидовину, но вся ереси древних еретик яве произвести, яко же и писание глаголет: от жидов приведет человека, волхва, еретика и отметника, чародея, злохитрствующаго на власть римскую, и прозовется Христом, яко Симан Волхв, первой антихрист, прозвася Христом, его ж уби Христос духом по молитве Петрове, тако и сего убьет Бог духом уст своих...» [Кузнецова, с. 210].

¹⁴ [Кузнецова, с. 208].

¹⁵ [Материалы для истории раскола, т. 7, с. 388].

Об идейном содержании образа четвертого Рима подробный комментарий сделала В. С. Кузнецова, которая не нашла ему прямых параллелей, но указала на близкие по смыслу высказывания как Авраамия, так и Федора [Кузнецова, с. 213–215]. Исследовательница справедливо выразила сомнение в допустимости сочетания «четвертый Рим» исходя из концепции «Москва – третий Рим», которая совершенно его не предусматривает и прямо отрицает [Кузнецова, с. 214]. Рискнем высказать предположение, что объяснением этого образа является не только популярная среди старообрядцев теория Москвы как третьего Рима, но и не менее популярное толкование пророка Даниила о четырех сменяющих друг друга царствах, последнее из которых в экзегетической традиции отождествлялось с Римским царством. Это толкование послужило основанием концепций *translatio imperii*, вариантом которой и является концепция третьего Рима [Синицына, с. 254–255]. Сочетание обеих концепций: Рима как последнего из четырех царств пророка Даниила и Москвы как третьего Рима – возможно, и привело к появлению гибрида «четвертый Рим».

Не меньшие трудности для интерпретации создает остальной текст фрагмента. Чтобы уверить читателя в эсхатологическом смысле происходящих событий, автор Повести апеллирует к апокалиптическому пророчеству о звере с десятью головами, «одна из них заколена в смерть, и язва смерть его исцелю». Этот зверь по традиции отождествляется с антихристом. Поскольку в отрывке говорится о том, что бывший патриарх «паки чтится прелестию и мечтанием постигнути престол четвертаго Рима», под «его язвой», которая «исцелела», следует понимать уход с патриаршего престола. Казалось бы, смысла этого утверждения в том, что патриарх Никон и есть антихрист. Однако далее утверждается, что Никон провозвестил «оному жидовину» все ереси древних еретиков. Под «оним жидовином» несколькими строками выше имеется в виду не кто иной, как сподвижник патриарха Никона справщик Арсений Грек (в Повести он настойчиво именуется Арсением Жидовином), а патриарх Никон назван его учеником: «вся же сия сотвори зломудреные Н[икон], приемшаго учения от извеснаго еретика А[рсения] Ж[идовина]» [Кузнецова, с. 209]. Закрывающая же и подкрепляющая весь этот пассаж цитата из «писания» называет жидовином, волхвом и еретиком самого антихриста. Однако вряд ли автор Повести, адресуя львиную долю проклятий патриарху Никону, мог всерьез иметь в виду, что Арсений годится на роль антихриста, да и в цитате речь идет о покушении антихриста «на власть римскую», значит, она, скорее всего, относится к патриарху.

По-видимому, проецируя «знамения пришествия антихриста» на окружающую его действительность, автор Повести затруднился с непосредственным отождествлением персонажей, что, вероятно, и привело к противоречию. Отметив, что подобные колебания при активной мобилизации предшествующей эсхатологической литературы и построении эсхатологических концепций – норма для раннего старообрядчества¹⁶, обратимся к цитате, которой заканчивается фрагмент.

Эта цитата из «писания» приведена в Повести без уточнения источника. Между тем речь идет не о Священном Писании, как можно было бы подумать, а о «Кирилловой книге» (М., 1644), точнее, помещенном в ней переводе «Казанья святого Кирилла патриарха иерусалимского об антихристе и знаках его», принадлежащем перу Стефана Зизания. При этом текст, оформленный в Повести как цитата, является контаминацией двух далеко отстоящих друг от друга фрагментов – первый из них описывает грядущего в мир антихриста как «волхва, еретика и отметника, чародея» от «жидов», второй сравнивает его с древним апокрифическим еретиком и «первым

¹⁶ Некогда П. С. Смирнов, детально проанализировавший эсхатологические идеи ранних старообрядцев, пользуясь классификацией, разделяющей их на теорию чувственного и духовного антихриста, фактически показал, что это разграничение является некоторым упрощением разнообразия мнений [Смирнов, с. 1–53].

антихристом» – Симоном Волхвом¹⁷: «... паки егда приити имать Христос истинный, помощь диявол себе взяв, буйх сопротивников ожидание, наипаче же от жидов приведет беззаконна человека волхва, еретика и отметника, чародея, и в мечтании все злое хитрствующаго, восхищая себе власть римскаго царьства, и ложно Христом прозовется...»¹⁸, «... и якоже Симон Волхв, он первый антихрист в Риме, Петра апостола предвари, всю славу Христову на себе восхоте прияти, но Христос с небес его порази. Тако же и последняго антихриста убьет духом уст своих»¹⁹.

Использование в старообрядческой полемике изданий Московского печатного двора было стандартной практикой, к которой усердно прибегали и дьякон Федор, и инок Авраамий, однако в их сочинениях цитата из «Кирилловой книги» не встречается, хотя то обстоятельство, что она искусственно сконструирована, послужило бы явным указанием на авторство Повести. Значит, нам не остается ничего другого, кроме как искать в их трудах высказывания, наиболее близкие ей как по содержанию, так и текстуально. Эта задача осложнена тем, что определенный круг текстов и цитат эсхатологического содержания очень скоро сделался достоянием всего старообрядческого сообщества, в частности, популярностью пользовалась первая часть цитаты, ее можно найти, например, в «Послании об антихристе и тайном царстве его», созданном не ранее второй половины 70-х гг. XVII в. В Зауралье [Смирнов, с. 026–027]. Однако изложенные выше соображения позволяют нам ограничить поиск двумя авторами, а конфигурация цитаты – двумя названными аспектами темы.

В сходных с «Кирилловой книгой» выражениях охарактеризован патриарх Никон в «пристижении» (авторском комментарии) к 7-й главе «Христианоопасного щита веры...» инока Авраамия: «Глаголю же Никона еретика и волхва, и чародея, и прелестника, и иконоборца, паче же богоборца, Богу тако попустившу того»²⁰. Надо сказать, в сборнике филиппика против патриарха имеет непосредственную связь с названием 7-й главы – «Совет к собору православному на Исака жидовина, волхва, чародея и прелестника», – содержащей сочинение Максима Грека. Это оригинальное название сочинения Максима, а значит, цитата из «Кирилловой книги» не является непосредственным источником обличительного пассажа. Однако интерес к произведению Максима Грека со стороны Авраамия, похоже, обусловлен именно привлекательной формулировкой заглавия, поскольку содержание Авраамиева комментария имеет чрезвычайно мало отношения к сути произведения афонского инока. В «пристижении» Авраамия обращает на себя внимание ремарка: «Богу тако попустившу того», которая также имеет текстуальную параллель в рассматриваемом фрагменте Повести, где патриаршество Никона называется Божьим поущением. На это клише вряд ли стоило бы специально указывать в других обстоятельствах, однако в сочетании с интересом Авраамия к процитированной формулировке оно выглядит совпадением, которое не стоит упускать из виду. Добавим, что Авраамий не раз ставил в своих сочинениях вопрос, не является ли патриарх Никон антихристом, впрочем, воздерживаясь от прямого и окончательного ответа на него.

Для сравнения посмотрим, как реализуется интерес к подобной теме у дьякона Федора. Нам удалось найти в его сочинениях также только одно место, которое может претендовать на текстуальную близость цитате из «Кирилловой книги». В «Ответе православных» (1668–1669 гг.) Федор пишет: «А греческия книги (Никон. – Л. Д.) посылал покупать тамо, научен от иноземца чернца Арсения Грека, бывша там в чужих странах жидовином, и Христа Бога трикраты отрешагося, и в Рускую землю от сатаны прислана на помощь Никону. И уведавши

¹⁷ На первый из этих фрагментов обратил внимание П. С. Смирнов, источником второго он считал непосредственно цитату из 2 Фес 2: 8 [Смирнов, с. 23–24], ссылка на которую имеется на поле «Кирилловой книги» напротив указанного фрагмента.

¹⁸ Кириллова книга. М., 1644. Л. 45.

¹⁹ Там же. Л. 24 об.

²⁰ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 641 (70-е гг. XVII в.). Л. 29 об.

о нем царь и патриарх Иосиф по отписке греческого патриарха Паисии Иеросалимского, яко той Арсен еретик лют есть и звездочтец и богоотметник бысть, блюстися его велел, и сего ради заточену ему бывшу в Соловецком монастыре»²¹. Объект данного обличения не патриарх Никон, а Арсений Грек: Федор делает акцент на его «жидовстве» (под которым имеется в виду не его происхождение, а «еретические» взгляды), а также использует ряд эпитетов, близких по смыслу цитате из «Кирилловой книги», но они дальше от цитаты текстуально, нежели ремарка Авраамия. Кроме того, хотя содержание пассажа сходно с фрагментом Повести, упоминающим Арсения, обличение, для которого использована в ней цитата из «Кирилловой книги», направлено на патриарха. Разумеется, Федор, как и Авраамий, интересовался фигурой грядущего антихриста. В сочинении «Послание всем православным об антихристе» (не ранее 1670 г.) Федор приводит цитату о том, каким будет антихрист, однако ее источник снова не «Кириллова книга», а непосредственно Священное Писание (2 Фес 2: 3): «Да никтоже вас, рече, прелстит, ни по единому образу, яко аще не приидет отступление прежде, и открытсся человек греха, сын погибели, противник и проч.» [Материалы для истории раскола, т. 6, с. 261–262]. К слову, ранее неоднократно отмечалось, что именно в этом произведении Федор предостерегает от того, чтобы видеть антихриста в патриархе [Левитский, с. 703–704; Н. (Нильский), с. 699].

Во втором фрагменте из «Кирилловой книги», который служит составной частью цитаты, грядущий в мир антихрист сравнивается с древним апокрифическим еретиком и «первым антихристом» – Симоном Волхвом. Помимо того, что эта фигура не слишком пользовалась популярностью у ранних старообрядческих полемистов, в творческом наследии и Федора, и Авраамия нам не удалось найти рассуждения, которое было бы идентично изложенному в рассматриваемой цитате: о том, что Христос убьет антихриста «духом уст своих» так же, как некогда Симона Волхва. Однако интерес к этому персонажу оба автора проявили. Авраамий в 37-й главе своего сборника поместил компиляцию из фрагментов печатного (Киев, 1625) и рукописного Толковых Апокалипсисов: «... Дати иматъ сатана силу свою антихристу лживыми привидении и чудесы на погубление неутверженных. *Сущее*²². “И едину от глав его, яко заколену в смерть; и язва смерть его исцеле”. *Толк[ование]*. Главу же заколену являет или некоего от князь умершвлена быти глаголет и приведением неким лстивым воскресима, яко же Симон Волхв от апостола Петра обличаема²³, ли римское царство разделение, по некоему образу заколение, терпяше. Едино начальство же исцелено быти мнимое по образу Августа кесаря»²⁴.

Любопытно построение этого текста: содержащий пророчество о ране одной из голов зверя стих Откровения (Откр 13: 3) инок скопировал полностью в рукописной редакции (точная рукопись неизвестна²⁵), однако толкование взял из печатного Апокалипсиса. Общий смысл толкования Андрея Кесарийского, переданный двумя переводами, совершенно одинаков. «Заколенную в смерть» главу зверя из видения Иоанна Богослова толкователь предлагает рассматривать или как свидетельство мнимых чудес антихриста (и тогда этот образ означает «некоего от князь умершвлена и приведением лстивым воскресима»), или как символ «Римского царства, разделение... терпящего», а затем «мнимо» объединенного «по образу Августа кесаря»²⁶. Однако в печатном Апокалипсисе содержится одно небольшое, но существенное для нас отличие: упоминание о Симоне Волхве – антагонисте апостола Петра, которого нет

²¹ Демкова Н. С., Титова Л. В. Полемический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 203.

²² Так обозначен собственно стих Откровения, толкование на который следует далее.

²³ Так в рукописи Авраамия.

²⁴ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 641 (70-е гг. XVII в.). Л. 209–210.

²⁵ Текст редакции, распространенной в древнерусской рукописной традиции, вошел в Великие Минеи Четии и опубликован: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1883. 26 сентября. Стб. 1748.

²⁶ Ср.: Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. Киев, 1625. С. 59.

в рукописном варианте. То, что Авраамий для своей 37-й главы не воспользовался каким-либо одним вариантом Толкового Апокалипсиса, а сделал компиляцию из рукописного и печатного, говорит о том, что он не просто искал тексты, на которые он и его товарищи могли опереться в полемике, а сам целенаправленно формировал их. Совсем не обязательная для этого толкования фигура Симона Волхва оказалась ему настолько нужной, что он предпочел более трудоемкий путь компилятивного изложения выписке из какой-то одной редакции текста. Необходимо также сделать акцент и на содержании толкования: центральный в нем образ «исцеленной язвы» фигурирует и в рассматриваемом фрагменте Повести как ремарка, относящаяся к патриарху Никону, покинувшему патриарший престол, но вновь пытающемуся добиться власти. Некогда П. С. Смирновым было отмечено, что Авраамий, цитируя в Челобитной рассуждение псевдо-Ипполита об антихристе: «... исперва убо лживне, прием ложь, беззаконный отречется славы своея», имеет в виду «мнимое» отречение Никона от патриаршего престола [Смирнов, с. 19]. Добавим, что данное рассуждение в Челобитной подкреплено и цитатой из Откровения об исцеленной язве зверя²⁷, то есть Авраамий здесь проводит ту же идею, что и автор Повести.

Дьякон Федор в «Послании всем православным об антихристе» также мельком упоминает о Симоне Волхве в числе прочих апостольских антагонистов: «... и потом открытсѣ в мире человек беззакония, еже есть противник, враг Богу, антихрист, и бышу ему, рече, во свое время, тайна убо уже деется беззакония, сиречь апостоли Христови сеяху благочестие по земли, а лживии апостоли дияволи злочестие свое, якоже бысть при них Симон Волхв, Филиппа диякона крестник Николай отступник, Киноис и прочии» [Материалы для истории раскола, т. 6, с. 262–263]. Упоминание же о исцеленной ране зверя находится в другом сочинении, приписываемом Федору²⁸, – «О познании антихристовой прелести»: «Ныне же, по исполнении имени его шестьсот шестидесяти шести лет, язва смерти его исцеле, сиречь во едину державу нечестия все три Рима совокупишася, по образу Августа кесаря. Первее по развязании своем диявол, изшед из бездны, Рим нечестием порази со всеми западными странами, и пошед до нашего царства на пути Литву отступлением плени. Таже, по исполнении имени его, и наше российское царство нечестием похити, и конечно воцарися всяким нечестием над всею вселенною, яко Август» [Материалы для истории раскола, т. 6, с. 81]. Очевидно, что это рассуждение основано на том же самом толковании Андрея Кесарийского, которое приводит Авраамий в 37-й главе своего сборника, при этом из двух предположений толкователя Федор предпочитает второе (исцеление язвы – это мнимо объединенное последнее царство), тогда как о Симоне Волхве упоминается в связи с первым (исцеление язвы – ложное чудо антихриста).

Отметим, что между сочинениями дьякона Федора и «Христианоопасным щитом веры...» Авраамия имеется принципиальное различие: все высказывания дьякона Федора – это прямые высказывания от первого лица, содержащиеся в разных его оригинальных сочинениях. Полемические выпады Авраамия не являются прямой речью, а выражаются при помощи выписок и цитат, но их содержание всецело подчинено авторской воле: все главы «Христианоопасного щита веры...» взаимосвязаны между собой, каждая из них – часть единого авторского высказывания инока. Дьякон Федор касается тем, отраженных в сконтаминированной цитате из «Кирилловой книги» (и это издание, вне всяких сомнений, один из основных источников его воззрений), но не употребляет самой цитаты, предпочитая подкреплять свои рассуждения ссылками на другие тексты, хотя для цитирования, в сущности, нет никаких препятствий.

Идеи Авраамия, выраженные в «Христианоопасном щите веры...», облечены в форму выписок, среди которых также не обнаруживается рассматриваемой сконтаминированной ци-

²⁷ Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия. С. 110.

²⁸ В литературе высказывались сомнения в авторстве: [Смирнов, с. LXVII–LXIX, примеч. 98].

таты, но поскольку подбор материалов для «Христианоопасного щита веры...» был обусловлен необходимостью обосновать то или иное положение старообрядческой полемики, представляется маловероятным, чтобы размышления Авраамия не имели в своей основе некоего «ключа» к пониманию. Этим ключом, на наш взгляд, и является мысль, выраженная в рассматриваемых двух фрагментах «Казанья святого Кирилла патриарха иерусалимского об антихристе» из «Кирилловой книги».

Труд инока Авраамия был закончен ранее появления Повести: нижняя дата ее появления является верхней датой создания сборника. Поэтому если в случае Челобитной Авраамия мы могли предполагать то, что он пользовался текстом Повести, то заимствование ее материала для «Христианоопасного щита веры...» практически исключено. Добавим, что в противном случае совершенно необъяснимым выглядит отсутствие Повести в составе сборника при том явном интересе, который Авраамий продемонстрировал к ее материалу во время написания Челобитной и «Вопроса и ответа». То, что инок и ранее активно использовал в полемике сочинения подобного рода, доказывает содержание 8-й и 46-й глав сборника, представляющих собой такие же повести с чудесами. Заключительная 46-я глава «Повесть трепетна и ужаса исполнена», добавленная на последнем этапе составления «Христианоопасного щита веры...», очевидно, как новейшее сочинение, описывает события, якобы произошедшие 26 декабря (попразднство Рождества) 7177 (1668) г. – лишь немного раньше даты, указанной в Повести о Петре и Евдокиме.

В отличие от Авраамия, дьяконом Федором сочинение в дальнейшем никак востребовано не было, хотя он и известен как полемист, любивший многократно повторять собственную аргументацию [Бубнов, с. 65]. Более того, именно отсутствие в сочинениях Федора, которые Авраамий сам отобрал ранее для «Христианоопасного щита веры...», необходимых иноку рассуждений вынудило его редактировать и дополнять их на этапе включения в Челобитную, используя материалы, текстуально чрезвычайно близкие Повести. Представляется, что так воспользоваться ими мог сам ее автор. При этом в Челобитную Авраамия, на наш взгляд, попал не текст Повести непосредственно, а подготовительные материалы к ней. Этим объясняются, во-первых, разночтения между ними, а во-вторых, отсутствие в Челобитной некоторых значимых мест Повести, в том числе и сконструированной цитаты из «Кирилловой книги» – так же, как и 7-й, и большей части 37-й главы «Христианоопасного щита веры...», где в сходных фразах выражены сходные идеи. Текстуальные же совпадения Повести с сочинениями дьякона Федора в этом случае могут быть объяснены тем, что Авраамий при ее составлении, как минимум, испытал сильное влияние сочинений дьякона, а возможно, и воспользовался некоторыми из них (добавлениями ко 2-й и 3-й редакциям «Прений о вере», «Сказанием об Аввакуме, Лазаре и Епифании» и др.), как он неоднократно делал это на протяжении всей своей недолгой писательской биографии.

Литература

- Б[ровкович] Александр (архим. Никанор). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1–2. [5], II, 292, 340 с.
- Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. 434, [1] с.
- Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРА. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 211–219.
- Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974. 168 с.
- Кузнецова В. С. Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 206–216.
- Левитский Н. Несколько данных касательно некоторых сочинений первых расколуучителей об антихристе // Христианское чтение. 1890. № 11–12. С. 695–738.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. [М.], [Ценз. 1881]. Т. 6. Ч. 3. XXVIII, 334, [3] с.; [М.], [Ценз. 1885]. Т. 7. Ч. 4. XXX, 433, [1] с.

Синицына Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 410, 4 с.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданиям и рукописям. СПб., 1898. 504 с. разд. паг.

Н. (Нильский И. Ф.) Несколько данных по вопросу: как учили об антихристе первые законоучители // Христианское чтение. 1889. № 5–6. С. 693–719.

References

B[rovkovich], Aleksandr (arkhim. Nikanor). Opisanie nekotorykh sochinenii, napisannykh russkimi raskol'nikiami v pol'zu raskola [Description of Some Works Written by Russian Schismatics in Favor of Schism]. Saint Petersburg, 1861. Part 1–2. [5], II, 292, 340 p.

Bubnov, N. Yu. Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.: Istochniki, tipy i evolyutsiya [The Old Believers' Book in Russia in the Second Half of the 17th Century: Sources, Types and Evolution]. Saint Petersburg, 1995. 434, [1] p.

Demkova, N. S. Neizvestnye i neizdannye teksty iz sochinenii protopopa Avvakuma [Unknown and Unpublished Texts from the Writings of Archpriest Avvakum]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1965. Vol. 21. Pp. 211–219.

Demkova, N. S. Zhitie protopopa Avvakuma [The Life of Archpriest Avvakum]. Leningrad, 1974. 168 p.

Kuznetsova, V. S. Povest' o muchenii nekoikh starets Petra i Evdokima [Tale of the Interrogation of Some Elders Peter and Evdokim]. In *Literatura i klassovaya bor'ba epokhi pozdnego feodalizma v Rossii*. Novosibirsk, 1987. Pp. 206–216.

Levitskii, N. Neskol'ko dannykh kasatel'no nekotorykh sochinenii pervykh raskolouchitelei ob antikhriste [A Few Facts about Some Writings of the First Schism Teachers about the Antichrist]. In *Khristianskoe chtenie*. 1890. No. 11–12. Pp. 695–738.

Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita [Materials for the History of the Schism for the First Time of Its Existence, Published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan]. Ed. N. Subbotin. [Moscow], [Cens. 1881]. Vol. 6. Part 3. XXVIII, 334, [3] p.; [Moscow], [Cens. 1885]. Vol. 7. Part 4. XXX, 433, [1] p.

Н. (Nil'skii, I. F.) Neskol'ko dannykh po voprosu: kak uchili ob antikhriste pervye zakonouchiteli [Some Data on the Issue: How the First Law Teachers Taught about the Antichrist]. In *Khristianskoe chtenie*. 1889. No. 5–6. Pp. 693–719.

Sinitsyna, N. V. Tretii Rim: istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1998. 410, 4 p.

Smirnov, P. S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke. Issledovaniya iz nachal'noi istorii raskola po novov' otkrytym pamyatnikam, izdaniyam i rukopisyam [Internal Issues in the Schism in the 17th Century. Research from the Initial History of the Schism on Newly Discovered Monuments, Publications and Manuscripts]. Saint Petersburg, 1898. 504 p. of separate pagination.

Larisa D. Demidova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Early Old Believer “Tale of the interrogation of some Elders Peter and Evdokim” and the works of monk Avraamii

The article is devoted to the textual problems of the Early Old Believer “Tale of the Interrogation of Some Elders Peter and Evdokim”. It was proved that the tale has parallels not only with the works of Deacon Feodor, on the basis of which he was considered its possible author, but also with the works of Monk Avraamii (d. 1672). The analysis of these parallels, as well as the identification of a common source for the tale and the works of Avraamii, made it possible to reconsider the issue of authorship in favor of the monk.

Keywords: 17th century Russian church schism, Early Old Believer tale, Monk Avraamii, Deacon Feodor

